

Чэн Хао косо посмотрел на него:

— Ты что понимаешь? Они со мной ещё с тех пор, когда я только набивал руку. Кроме как по делу, я их в руки не беру, они для меня как твоя рука — без них не то, вкус не тот. Ты мне ещё не сказал, зачем тебе столько домов?

Лян Цзинь серьёзно ответил:

— Я ведь на всякий случай. Если мама с бабушкой всё-таки не справится, не может же она там оставаться жить? А если заработает болезнь? Ты глянь на ту женщину из деревни, муж её гуляет, она гордая, посторонним не жалуется, пар выходит держит в себе, с годами и заболела, лёгкие пошли.

Чэн Хао удивился:

— А я такого не слышал.

Лян Цзинь только тут вспомнил, что эта история станет известна всей деревне только через год. Он замолчал на секунду и сказал:

— Я с младшим сыном местного врача дружу, он проболтался. Пошли, пошли, завтра ещё бегать придётся, да и мне в школу надо.

Лян Цзинь вернулся домой как раз вовремя: столкнулся с бабушкой Лян, которая шла с купленным уксусом. Увидев, что лицо у неё плохое, он понял — видимо, поверила его всей той чуши. Он улыбнулся и пошёл навстречу:

— Бабушка, что с вами? Лицо такое плохое, заболели? Осенью холодно, надо потеплее одеваться, а лучше к врачу сходить.

Бабушку Лян с вчерашнего вечера всё внутри выворачивало. Она знала, что виноваты чашки, но если их возвращать — лицо терять. Неужели самой деньги платить? А невестка ещё даже в дом не вошла, а уже тратиться?

— Не говори чепухи, иди прочь, не сглаживай.

Лян Цзинь с важным видом нахмурился, почесал подбородок:

— Бабушка, а вас, часом, тот человек не преследует?

У бабушки Лян сердце ёкнуло, но она держалась из последних сил:

— Нет, отойди, мне спешить надо, готовить, мне нечего с тобой болтать. Кстати, если твой третий дядя сосватается, на свадьбу денег много уйдёт, ты мне немного дай, потом отдам.

Лян Цзинь отказался сразу:

— Нет денег, не дам. Бабушка, вы к врачу лучше сходите, если не поможет, к гадалке сходите. Только не погубите дело третьего дяди. Чего это я сегодня так проголодался, я домой есть пойду.

Бабушка Лян вернулась домой вся в тяжёлых думах, даже готовить не могла — то пересолит, то недосолит, дед Лян её отругал по-чёрному.

Вечером она достала тот самый сервиз из сундука. Когда не горел свет, они надо всем же светились, тускло-зелёным светом, словно глаза демонов. Бабушку Лян это сильно напугало. Раньше она ими любовалась, казались такими изящными, а теперь как на них ни глянет — мурашки по коже.

В ту ночь ей приснилось, что женится её младший сын, всё весело, радостно, невеста с женихом уже ей поклониться собрались, как вдруг откуда ни возьмись вылетает страшная тень. Яркий алый цвет превращается в чёрную дыру, готовую поглотить всё, и становится всё холоднее и холоднее на душе.

Лян Цзинь, забравшись под одеяло, хихикнул и сладко уснул. Наутро проснулся от того, что бабушка колотит в дверь, и настроение поднялось ещё выше!

Лян Цзинь не спеша оделся, прополоскал рот и только потом вышел.

Матушка Лян уже открыла ей дверь. Бабушка стояла в комнате, с каменным лицом, выглядела плохо.

Лян Цзинь охнул:

— Бабушка, у вас межбровье чёрное. Я же вам говорил полечиться, вы мне не верите.

Бабушка Лян указала на коробку, косо посмотрела на него:

— Сказал бы по-человечески, а то всё не пойми что. Отнеси отцу, поставь, для сглаза.

Лян Цзинь подождал, пока она выйдет, сел, открыл и внимательно осмотрел, потом аккуратно убрал, наказав матери:

— Мам, чтобы кто ни спрашивал, ни слова лишнего. Легко беду накликать. Бабушка совсем мозгами пошла, такую ценную вещь взяла, чтобы понт набить.

Матушка Лян нахмурилась:

— Ты же говорил, это нечистая вещь? Что за хозяин...

Лян Цзинь громко рассмеялся:

— Я её обманул. Если б не сказал так убедительно, разве бы она отдала? Все хорошие вещи тому неудачнику достаются, не знаю, скольких благ он в прошлой жизни накопил.

Матушка Лян не знала, плакать или смеяться:

— Когда она опомнится, снова спокойной жизни не видать.

Лян Цзинь потянулся, зевнул, с безразличным видом сказал:

— Это её дела. Хочет жить — пусть живёт, хочет помирать — пусть мучается, мне с ней возиться некогда. Мам, мне ещё надо раз выйти, меня не ждите обедать.

Лян Цзинь хлебнул кашу, закусил лепёшкой и вышел. Забрал деньги у Чэн Хао, увидел, что тот возится с железной печкой, весь в поту, лицо в саже. Увидев Лян Цзиня, поднял руку, вытер лицо — и размазал грязь ещё больше.

— Ты деньги сам возьми, я хочу сегодня крупное сделать.

Лян Цзинь принёс из комнаты полотенце, вытер ему лицо, зашёл в комнату, сунул заготовленные деньги в карман, улыбнулся:

— Папин сервиз бабушка мне вернула. Хорошо, что тётя эти два дня не приходила, узнай она — отобрать бы было непросто.

В прошлой жизни бабушка отдала его семье невесты, та ещё руки не прогрела, как бабушка получила нагоняй от старшей тётки и пошла забирать обратно. Потом, кажется, продали его за хорошие деньги, их довольные лица после того, как поделили деньги, он до сих пор помнит хорошо.

Чэн Хао не стал говорить про эту семью, всегда казалось, что они не понимают, кто свои, а кто чужие, все идут на поводу у вышедшей замуж дочери, что совсем непонятно.

— Хорошо, что вернул. Только прячь хорошо, а то узнает бабушка — тебя проклинать будет. Кстати, деньги у меня хранить неправильно, лучше тётке отдайте.

Лян Цзинь опустил глаза, улыбнулся:

— Мама теперь на меня надеется, не надо её такими неприятностями грузить. Я сначала это дело сделаю.

— Ладно, только не торопись, по дороге ещё узнай, на всякий случай.

Лян Цзинь сказал «знаю» и поспешно ушёл.

В воскресенье на улице было много людей. У главного универмага уезда собралась толпа. Он не удержался, глянул и увидел, что вторая и третья тётка там что-то обсуждают. Он фыркнул и пошёл прочь.

Лян Цзинь-то верил той старухе. Вчера они смотрели двор, использовали лучшие материалы, в доме светло, чисто убрано, да и одежда, и речь той старухи отличались от обычных.

Когда всё оформили, староста посмотрел на него по-особому:

— Ты, парень, не прост, если что будет — приходи ко мне.

Планы развития уезда ещё не разглашали, так что люди и подумать не могли, что однажды их жильё превратится в золотую жилу — ухватишься и разбогатеешь. Лян Цзинь не был жадным, денег не напасёшься, лучше зарабатывать помаленьку и жить хорошо, не хуже других.

Обратно он шёл мимо ларька Бяо Лао-саня, хотел купить пару масляных лепёшек, чтобы маме не мучиться, думая, что готовить, но увидел, что вторая и третья тётка всё ещё не ушли, хитро стоят в укромном месте, о чём-то судачат. Он расплатился, взял одну сладкую, откусил и бесшумно встал за их спинами. Напротив был гостевой дом, выглядел грязным, говорили, что там приезжие девицы живут, в народе считалось местом нечистым.

— Что вы тут разглядываете? Второй дядя, часом, там? Вторая тётка, вы за мужем следите?

Лян Цзинь улыбнулся совсем по-хулигански, кончики глаз поднялись, похож стал на бандита. Те две испугались, увидели его, Лян Хуайпин плюнула:

— У тебя, парень, языка нет, только плохие слова? Иди, иди, тебе тут делать нечего, иди по своим делам.

Они увидели, что Лян Цзинь не двигается, уставились на него:

— Чего не уходишь, не мешайся под ногами.

Лян Цзинь стоял как скала, как они ни тянули, не сдвинулся, глаза впелись вперёд, с раздражением оттолкнул их, прикрикнул:

— Не двигайтесь, вышли, это кто?

Лян Хуайпин и Лян Хуайсю тоже посмотрели туда. Вышел никто иной, как старший зять Сун Дуншэн, шёл рядом с молодой, развратной женщиной, совсем не такой, как в доме Лянов, где всегда важничал, словно все были его подчинёнными, и во всё вмешивался, такой он был способный человек.

Лян Цзинь сделал глупое лицо:

— Чему это старший дядя в такое нечистое место пошёл? Я побегу расскажу старшей тётке.

Мур-мур, добавьте в закладки.

<http://bllate.org/book/16631/1523313>